ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В КИТАЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

ШАМСИЕВА ШОХИСТАХОН
ORCID: 0000-0001-5734-9957
доктор философии по филологическим наукам (PhD), ТГУВ

Аннотация. *В современном китайском и узбекском языкознании уделяется особое внимание семантическому, лингвокультурологическому изучению языка, в частности, лексики. Как в китайском, так и узбекском языкознаниях реализованы научные и прикладные работы по изучению происхождения и семантики эвфемизмов, какими языковыми единицами они выражаются, однако не проведены исследования по сравнительному изучению эвфемизмов китайского и узбекского языков. Несмотря на то, что китайский и узбекский народы, являющиеся жемчужинами восточной культуры, имеют свой особый менталитет и своеобразное мышление, эти языки располагают очень близкими, общими по тематике эвфемизмами. Благодаря лингвокультурологическому анализу таких эвфемизмов появляется возможность выявления специфических, и в то же время, общих для обоих языков особенностей. А в результате, это способствует развитию культурных и духовных связей между китайским и узбекским народами. В этом плане очень актуально семантическое и лингвокультурологическое исследование эвфемизмов китайского и узбекского языков.*

Опорные слова и выражения: *эвфемизм, табу, лингвокультурология, эвфемия, энантиосемия, этнолингвистика, концепт, межкультурные коммуникации, фразеологический эвфемизм.*

Аннотация. *Замонавий хитой ва ўзбек тилшуносликларида, тилни, хусусан, лексикани семантик, лингвомаданий жиҳатдан ўрганишга диққат қаратилмоқда. Хитой тилшунослигида ҳам, ўзбек тилшунослигида ҳам эвфемизмларнинг келиб чиқиши, семантикаси, қандай тил бирликлари билан ифодаланиши борасида илмий ва амалий ишлар бажарилган, бироқ хитой ва ўзбек тилларидаги эвфемизмлар чоғиштириб ўрганилмаган. Шарқ маданиятининг гавҳарлари ҳисобланган хитой ва ўзбек халқлари ўзига хос менталитет ва дунёқарашга эга бўлса ҳам, уларнинг тилларида ўзаро яқин, ўхшаш мавзудаги эвфемизмлар мавжуд. Бундай эвфемизмларни лингвомаданий жиҳатдан ўрганиш натижасида хитой ва ўзбек тилларининг ўзига хос, айни пайтда, ҳар иккиси учун умумий, яқин жиҳатларни аниқлаш имкони туғилади. Пировардида хитой ва ўзбек халқлари ўртасидаги маданий ва маънавий алоқаларнинг ривожланишига хизмат қилади. Шу жиҳатдан хитой ва ўзбек тиллари эвфемизмларининг семантик ва лингвомаданий тадқиқи долзарблик касб этади.*

Таянч сўз ва иборалар: *эвфемизм, табу, лингвокультурология, эвфемия, энантиосемия, этнолингвистика, концепт, маданиятлараро мулоқот, фразеологик эвфемизм.*

Abstract. *In modern Chinese and Uzbek linguistics, attention is paid to the semantic, linguacultural study of language, in particular, lexicon. In both Chinese and Uzbek linguistics, scientific and practical work has been done on the origin, semantics, and language units of euphemisms, but the comparative study of euphemisms in Chinese and Uzbek has not been studied. Although the Chinese and Uzbek peoples, who are the jewels of Eastern culture, have their own mentality and worldview, their languages have euphemisms on a similar theme. As a result of the linguacultural study of such euphemisms, it is possible to identify specific, but at the same time, common, close aspects of the Chinese and Uzbek languages. Ultimately, it contributes to the development of cultural and spiritual ties between the Chinese and Uzbek peoples. In this regard, the semantic and linguacultural study of Chinese and Uzbek euphemisms is relevant.*

Keywords and expressions: *euphemism, taboo, linguoculturology, euphemy, enantiosemia, ethnolinguistics, concept, intercultural communication, phraseological euphemism.*

В данной статье эвфемия изучена как универсальное лингвистическое явление, рассмотрено образование эвфемизмов, их изучение в мировой лингвистике, исследованы факторы формирования в китайском и узбекском языках эвфемии, смежные речевые явления эвфемии.

В современный век глобализации в мировой лингвистике всё увеличивается количество и роль исследований в области языка и культуры[1], языка и этноса, языка и этнического самосознания[2]. Эвфемия, связанная с культурным, духовным миром народа и её языковой передачей, отражает в себе этнопсихический мир народа, способ познания. Именно поэтому эвфемизмы никогда не возникают отдельно от духовного и интеллектуального мира носителей языка. Они служат демонстрации вышеперечисленных особенностей носителей языка, изображению национально-культурной действительности, народной лингвокультуры.

Появление эвфемизмов, прежде всего, связано с табу. Слово *табу* происходит от танганского слова <*tapu* <*ta* – "отмечать", "выделять" и *pu* – "всецело", "всецело выделенный," "всецело отмеченный", то есть имеет значение "запрещать"[3]. Согласно народному представлению, мифологическим воззрениям, существует некая вещь, которая может нанести определенный вред (это может быть болезнью, насекомым или животным), его название запрещается произносить. Считалось будто если произнести название запрещенного предмета, будет нанесен какой-либо вред. Поэтому в первобытных племенах имя умершего человека не ставили новорожденному. Они считали, если наречь младенца именем умершего, ребенок долго не проживет, злые духи могут нанести ему вред.

У узбекского, русского, китайского народов, в целом, в большинстве лингвокультур издревле встречается табуизация названий различных животных, явлений природы. Например, по мнению Р.Кейес, А.Реформатского и О.Пастуховой, у народов, проживающих в северной части Европы, издревле запрещено произносить название медведя. В связи с этим, название медведя было заменено различными эвфемизмами: *медоед* (honey eaters)*, лизун* (lickers), *дед* (grandfathers). Русское слово *медведь* также происходит от эвфемического названия в значении "бурый", позже это слово также было подвергнуто табуизации, медведя начали называть словами "хозяин", "зверь", "ломака", "мохнач", "потапыч", "лесник", "он".[4] Если обратить внимание, в семантике этих эвфемизмов отсутствует отрицательная оценка медведя, существуют указания на силу, превосходство этого животного.

Ещё один фактор возникновения эвфемизма связан с формированием традиций коммуникативной культуры и его влиянием на выбор лингвистических средств. Следовательно, в результате развития коммуникативной культуры, люди начали считать, что употребление слов и фразем с грубыми значениями и оттенками противоречит правилам этики и начали употреблять вместо них по меньшей мере нейтральные слова и синонимы с положительными оттенками. К примеру, понятие "toilet" англичане обозначают словосочетанием *rest room, bathroom, WC*, а китайцы - 盥洗室 guàn xǐ shì, 洗手间xǐ shǒu jiān [5], узбеки – *халажой*, *чет*, уйгуры – истинжа *хана, таhарэтжай***,** *қол йуйуш өйи*, русские - *уборная, нужное место, дальный восток* и т.д.

---

[1] Vejbiskaya A. Yazik. Kultura. Poznanie. – M.: Russkie slovari, 1996; Makarova Ye.Yu. Yazik kak osnova etnicheskoy kulturitema: Avtoref.diss. ...kand. filos. nauk. – Volgograd, 2006; Maslova Yu.V. Lingvokulturologiya. Vvedenie. 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurayt, 2019.

[2] Arutyunov S.A., Bagdasarov A.R. i dr. Yazik. Kultura. Etnos. – M.: Nauka, 1994; Derbisheva Z. Yazik i etnos. – M.: Flinta, 2018.

[3] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%B1%D1%83

[4] Keyes R. Euphomania: Our Love Affair with Euphemisms. – Boston, 2010. – P.45; Reformatskiy A.A. Vvedenie v yazikoznanie. – M.: Nauka, 1967. – S. 99-100; Pastuxova O.D. Ob evfemizmax i tabu // Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki. – Tambov, 2017. №11 (77). – S.142.

[5] https://www.zhonga.ru/russian-chinese/%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82/ysxkc

С развитием речевой культуры, навыков членов общества существующие эвфемизмы перестают выполнять эвфемическую функцию, а грубое понятие выражается другим эвфемизмом. Следовательно, когда в узбекском языке слово *бўгоз* перестает соответствовать рамкам культуры, данное понятие начинает передаваться словом *иккиқат*. С течением времени, в узбекской лингвокультуре в слово *иккиқат* также начинает приобретать грубость – невежливость. Затем вместо него начинают применять слово *ҳомиладор*. В настоящее время уже и это слово начинает передавать скрытый признак, поэтому для более завуалированной передачи понятия беременности, всё чаще используется слово *оғироёқ*.

В работах китайских исследователей приводятся особые определения эвфемизмов. В частности, Ван Сицзе （王希杰） считает, что "эвфемизм это – обводное наименование чего-либо, в случае, когда говорящий не желает говорить о чем-либо напрямую"[1]. А У Цзячжэнь (吴家珍) утверждает, что "в определенных языках не выражаются открыто определенные понятия, они передаются более смягченно. Такие выражения в стилистике образуют эвфемизм"[2]. По мнению Хуанга Боронга (黄怕荣), иногда люди не выражают истинную цель и специально используют эвфемизмы. Целью является смягчение и упрощение понятия[3]. По мнению Ли Цзюньхуа (李军华), эвфемизмы это – более мягкие, более нежные, более употребительные по той или иной мере слова и фраземы, которые употребляются вместо запрещенных, неуместных произношению, грубых, противоречащих нравственным обычаям выражений[4].

Безусловно спорным является заключение У Цзячжэня (吴家珍) о том, что смягчение грубого понятия свойственно лишь стилистике, ибо эвфемия относится не только к отдельному разделу языкознания, а целой языковой системе. Первые два определения показывают, что в них не различаются явление – эвфемия и языковые единицы – эвфемизм. Данное определение соответствует явлению эвфемии, но не эвфемизму. В последних трех определениях описывается языковая единица – эвфемизм.

В узбекском языкознании эвфемизмы изучены в отдельных диссертациях или работах по семасиологии. Например, первым исследованием была кандидатская диссертация Исматуллаева. Исследование А.Омонтурдиева посвящена исследованию эвфемизмов в речи скотоводов, в нем охвачены также эвфемизмы, выражающие кости животного. Позже автором изданы монографии "Эвфемика профессиональной речи", "Основы узбекской эвфемической речи". В книге М.Миртожиева "Семасиология узбекского языка" эвфемизмы рассматриваются в качестве семантического явления. При определении термина эвфемизм автор руководствуется словом "номинация". Он утверждает, что эвфемизм не следует понимать, как реноминацию, по его мнению, это – придание эвфемистического значения существующему в языке слову (в зависимости от требования культурной речи – фразеологизму, пословице, афоризму – Ш.Ш.) с неприятным значением; эвфемизм есть дополнительное значение существующего в языке слова, в силу чего эвфемия является семантическим явлением.

---

[1]王希杰，汉语修辞学（修订版）北京：商务印书馆，2004. [Wángxījié, hànyǔ xiūcí xué (xiūdìng bǎn) Běijīng: Shāngwù yìn shūguǎn, 2004]

[2]吴家珍, 修辞与逻辑，北京：广播出版社, 1982.[Wújiāzhēn, xiūcí yǔ luójí, běijīng: Guǎngbò chūbǎn shè, 1982]

[3]黄伯荣, 廖序东，现代汉语，北京：高等教育出版社, 2004.[Huángbóróng, liàoxùdōng, xiàndài hànyǔ, běijīng: Gāoděng jiàoyù chūbǎn shè, 2004]

[4]李军华，汉语委婉语研究，北京：中国社会科学出版社, 2010. – P. 10.[Lǐjūnhuá, hànyǔ wěiwǎn yǔ yánjiū, běijīng: Zhōngguó shèhuì kēxué chūbǎn shè, 2010. – P. 10]

Ни одно явление в языке не реализуется само по себе, непосредственным образом, существуют реализующие его факторы, причины, единицы передачи. Эвфемизм также является единицей, реализующей явление эвфемии. В узбекском языке отсутствуют некоторые типы эвфемизмов китайского языка (однослоговый эвфемизм), к тому же в узбекском языке сложно встретить однослоговое слово. Второй тип эвфемизмов в китайском и узбекском языках образуют лексические средства, выполняющие эвфемистическую функцию в различных речевых ситуациях. Лексические эвфемизмы не образуются для передачи эвфемической функции, они выполняют эвфемическую задачу значением, соответствующей речевой ситуации. Они образуются с помощью метафоры, метонимии и иронии.

Существует некая общность в китайских и узбекских эвфемизмах, обозначающих внешний вид. Например, вместо слова жирный 肥胖 используется 富态 (поправившийся) или 丰满 (полный): 虽然现在贾玲长得比较富态， 不过深受网友喜爱的她最近被曝出，年轻时原来也是一位美女，对此，贾玲机智回应称："我深情地演绎了" (*Несмотря на то, что Цзя Лин, повзрослев, значительно поправилась, недавно её друзья в интернате обнаружили её красоту)*. В узбекской лингвокультуре также понятие "жирный" передается более смягченно, завуалированно: при изображении такого человека не говорят напрямую *семиз* или *семирган*, а вместо этого употребляют слова *тўла*, *тўладан келган*, *тўлишган*: *Ойисини у эс-эс билади. ...Оппоқ, **тўладан келган** хотин эди ойиси* (Ў.Умарбеков. Бобоёнғоқ).

Большая часть эвфемизмов в китайском и узбекском языках это - фразеологизмы. Происхождение фразеологических эвфемизмов обусловлено лексикализацией словосочетаний. Например, в современном китайском языке понятие *выходить замуж* передается фразеологизмом 出门 (выходить из дома), что более соответствует культурным рамкам. Вместо 结婚 (брать в жены) употребляется фразеологический эвфемизм 终身大事 "пожизненная работа". Эти фразеологизмы поначалу были словосочетаниями, то есть синтаксические конструкции *уйдан чиқмоқ, бир умрлик иш* употреблялись в собственном значении. Затем на основе значения ухода девушки из родного отцовского дома в другой дом, данное словосочетание обретает новое значение "выходить замуж". Это фразеологизм не создан носителями языка специально для передачи эвфемистического значения, он подчинен носителями языка эвфемической функции, поскольку её семантика не выражает непосредственно значение "выходить замуж".

В данных языках есть ещё одна общность в эвфемизации. Нами выявлено, что и в китайском, и в узбекском языках эвфемическое значение выражается путем употребления определённой языковой единицы в противоположном значении, ирония способствует реализации эвфемического содержания. То есть говорящий употребляет в ироническом значении слово или фразеологизм, способный завуалировать, смягчить кажущееся грубым понятие, выходящее за рамки приличия, отрицательный оттенок реализуется этой иронией.

В.Москвин в качестве смежных эвфемии явлений перечисляет псевдоэвфемию, криптологию, язык Эзопа, дезинформацию, образное выражение[1]. А.Омонтурдиев и Х.Кодирова утверждают, что для полноценной характеристики языковой природы эвфемизма необходимо изучить его отношение к смежным явлениям.[2] В связи с этим, Х.Кодирова приводит табу, крылатые слова, парафразу, дисфемизм, жаргон, арготизм, вульгаризмы и утверждают, что можно сделать определенные заключения о языковой

---

[1] Moskvin V.P. Evfemizmi v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazika. – M., 2007.

[2] Omonturdiev A. Professional nutq evfemikasi. – T.: Fan, 2006. – B.47.; Botirova X. Abdulla Qodiriyning evfemizm va disfemizmdan foydalanish mahorati: Filol.fan.nomz. ...diss. – T., 2011. – B.46.

природе эвфемизмов лишь в том случае, когда они изучаются в парадигматической связи с эвфемизмом.[1] На наш взгляд, большинство перечисленных явлений не являются смежными. Для того, чтобы быть смежным явлением, они должны быть близкими к эвфемии или так же, как и она смягчать понятие. Смежными эвфемии явлениями являются семантика указания, ирония, речевая энантиосемия.

В частности, при реализации энантиосемии в речи иногда она обретает эвфемическую особенность, то есть реализуется эвфемическим способом. Например, как пишет Ё.Одилов, в отрывке "*Умри жонингизга худо барака берсин" деб у юзимдан, бу юзимдан ўпди. Ўпаётганда оғзимдан келган "муаттар" ҳиддан хиёл чимирилди-ю, сездирмади* (Ў.Ҳошимов. "Аждар" нинг тавбаси) слово *муаттар* эвфемическим способом передает значение "неприятный запах", "вонючий", при том, что реализуется как эвфемия, так и противоположное значение. При этом говорящий избирает эвфемический путь для передачи своего негативного отношения, то есть свою мысль он передает не грубыми словами *бадбўй* или *сассиқ*, а словом *муаттар,* соответствующей требованию культурной коммуникации"[2]. Китайская и узбекская лингво-культуры отличаются друг от друга, однако между этими двумя лингвокультурами существует восточная общность. Это было рассмотрено нами в первой главе на примере синонимии эвфемизированных понятий в узбекском и китайском языках. Например, подтверждением нашей мысли могут служить общие черты в эвфемизации в китайской и узбекской лингвокультурах понятий, связанных с определенным занятием.

Лингвокультурные представления меняются в зависимости от изменений в обществе. Изменение лингвокультурных представлений наблюдается в эвфемической реноминации некоторых названий профессий. Например, в китайской лингвокультуре профессия уборщицы не считается авторитетной. Человек этой профессия может комплексовать, когда его называют этим словом. Именно поэтому как в китайском, так и узбекском языках, используются различные эвфемические выражения с общим значением. В целом, в этих языках сформирована «морально защищающая людей эвфемизация, отражающая нравст-венно-социальную потребность людей»[3]. В этом смысле в китайской лингвокультуре вместо единицы 清洁工 (уборщица), обозначающей понятия уборщица, дворник употребляется выражение 环工人 (работник, ответственный за чистоту окружающей среды), а в узбекской лингвокультуре – слова *техник ходим, ободонлаштириш ходими*. Сравните: *Энг паст ойлик олувчи **техник ходим**ларни давлат унутгани йўқ* (http://archive.qalampir.uz/news/tags?tag=%20ходимлар); *Шаҳар ҳали уйғонмаган бир пайтда, **ободонлаштириш ходимлари** аллақачон ўз ишларини бошлаб юборишга улгуришади* (https://kun.uz/news/2019/12/29).

Наиболее эвфемизированное понятие в языках мира это концепт смерти, поскольку данное понятие во всех народах мира толкуется как нечто страшное, отталкивающее явление. Также частым явлением в языке считается дисфемизация понятия смерти. В китайском и узбекском языке эвфемизмы, связанные с понятием смерти, встречаются в форме слов, фразеологизмов и словосочетаний. Понятия, связанные со смертью, не очень приятны, поэтому большинство из них табуировано, дабы вместить их в рамки культуры. В силу того, что данный концепт ассоциируется с неприятными воспоминаниями, в речи также осторожно употребляют названия обрядов, обычаев, связанных с погребением.

---

[1] Qodirova X. Ukazannaya dissertatsiya. – B. 46-48.

[2] Odilov Yo. O'zbek tilida enantiosemiya / N.Mahmudov, Yo.Odilov. So'z ma'no taraqqiyotida ziddiyat. O'zbek tili enantiosemik so'zlarining izohli lug'ati. – T.: Akademnashr, 2014. – B. 53.

[3] Chjan Ch. Evfemizmi v naimenovaniyax professiy v russkom i kitayskom yazikax // Grani poznaniya. №5(10). 2010. – S. 2.

Несмотря на то, что китайский и узбекский языки являются типологически разными, они имеют богатый эвфемический пласт. Также существует общность в формировании эвфемизмов, связанных со смертью; эвфемизмы обоих языков образуются благодаря метафоре, метонимии, сравнению, фразеологизмам и некоторым грамматическим средствам.

Общеизвестна значимость метафор для функциональности языка. Это выражается также в подчинении выполнению эвфемической функции китайских и узбекских языковых единиц. Например, 巨星陨落–迈克杰克逊于洛杉矶逝世， 终年50岁 娱乐周报，2009.06.27） – С неба упала большая звезда – Майкл Джексон умер в 50 лет в Лос-Анжелесе. Выражение 巨星陨落 jùxīng yǔnluò – *с неба упала большая звезда* образно выражает смерть известной личности. При этом выражение *упала звезда* основано на действии сверху вниз, сходство действий способствовало номинации понятия "умер".

В узбекской лингвокультуре также встречаются метафорические эвфемизмы для образной передачи смерти с участием слова *юлдуз*: *юлдуз учди, юлдузи сўнди // юлдузи ўчди*: *Ҳозиргина ёниб турган юлдуз тўсатдан лоп этарди-ю, ингичка, нурли из қолдириб ғойиб бўларди. Онам чўчиб тушарди: – Эсиз... Бир бечоранинг жони узилди-я... Юрагим шув этиб, онамнинг пинжига кирардим. Ишқилиб, бошқа юлдуз учмасин!* (Ў.Ҳошимов. Дунёнинг ишлари); *Абдулла Авлоний, Сўфию Фитрат, Чўлпон кабиларнинг ўчди юлдузи* (А.Омонтурдиев. Асрдан асрга).

Во фразеологизме *юлдуз учди* метафора участвует в слове *учди*, то есть, когда гаснет звезда, она показывается на миг в небе и угасает, что уподобляется смерти человека: его душа улетает в небо и угасает. Метафора в слове *ўчди* образуется благодаря активизации семы "вспыхнуть и угаснуть".

В современном китайском языке древние выражения, в частности, фразеологизмы "служат стилистической окраске речи, делают её более привлекательной для слуха"[1]. Большинство из них появилось в древности, и сохранило на сегодня свою форму. К тому же, встречаются фразеологизмы последних лет[2]. Некоторые из древних и новых фразеологизмов могут передавать понятие "смерти". Например, 行将就木 xíng jiāng jiù mù – "одну ногу притягивает могила", 寿终正寝 shòu zhōng zhèng qǐn – "умереть собственной смертью", 山高水低 shāngāoshuǐdī – "безвременная смерть", 马革裹尸 mǎgéguǒshī – "погибнуть с достоинством", 自寻短见 zìxúnduǎnjiàn – "намереваться покончить собой", 香消玉殒 xiāngxiao yùyǔn – "умереть девой" [СЭКЯ]. Во всех из них существует образная передача понятия "смерти", такое образное выражение обеспечивает экспрессивность. Однако не во всех из них чувствуется эвфемия. Наоборот, во фразеологизмах 行将就木 xíng jiāng jiù mù, 寿终正寝 shòu zhōng zhèng qǐn, 自寻短见 zìxúnduǎnjiàn преобладает дисфемическая особенность. А во фразеологизмах 香消玉殒 xiāngxiao yùyǔn в значении "уйти девой", 马革裹尸 mǎgéguǒshī в значении "умереть с достоинством" имеется эвфемический признак.

Фразеологизм 上天堂 shàngtiāntáng (дословно: отправиться в рай) считается нейтральным в значении "умереть". Данный фразеологизм выражает также значение "жил хорошо". Фразеологизм 驾鹤西游 jiàhèxīyóu с подобным значением имеет положительную оценку, дословно переводится как "улететь на Запад на журавле". В китайской лингвокультуре журавль является символом долгой и вечной жизни, поэтому данный фразеологизм наделяет усопшего статусом

---

[1]吕杰.汉语成语的修辞功能 // "现代语文" 2007. – P. 73-74. [Lǚ jié. Hànyǔ chéngyǔ de xiūcí gōngnéng// "xiàndài yǔwén" 2007. – P. 73-74.]

[2]Chjan Ch. Evfemizatsiya v russkom i kitayskom yazikax: lingvokulturologicheskiy i lingvopragmaticheskiy aspekti: Avtoref. …diss.kand.filol.nauk. – Volgograd, 2013. – S. 92-93.

жизни на небе. Во всяком случае, носитель китайского языка данный фразелогизм, обозначающий понятие смерти, понимает, как завуалированный эвфемизм.

В узбекском языке сформирована группа фразеологизмов, выражающих значение "умрёт (его смерть близка)". Например: *умри битгандай, бир ҳафтага бормайди, вақти соати етибди, вақти яқин, тўрт беш-кунлиги қолибди, ҳуфтонгача қолмайдиган кўринади* (это индивидуальный авторский фразеологизм)*, кўзидан нур сўнибди, кетар бўлибди, томоқдан қолибди, омонат бўлиб қолибди, ҳаётга қайтмайди, нариги томоннинг шарпаси тушиб қолибди"*[1] и др. Данные фразеологизмы А.Омонтурдиев считает эвфемическими синонимами, употребляемыми вместо слова *ўлади (ўлими яқин)*. На наш взгляд, они имеют эвфемический характер, ибо употребление вместо данных фразеологизмов выражений *ўлими яқин, ўлади* приводит к дисфемизации. Кроме того, неприятное понятие "находиться на смертном одре" передается эвфемическими фразеологизмами *оғирлашиб қолмоқ, ўсал бўлмоқ, ўсал ётмоқ*. Писатели в целях избегания дисфемизации, используют приведенные выше фразеологизмы и зарождают эвфемическую среду.

В каждом языке существуют ассоциативные представления, связанные со смертью. Эвфемизмы также имеют ряд семантических значений, который образует ассоциативные группы. Например, "смерть – отдых", "смерть – путешествие".

Ассоциация "смерть – отдых". Как известно, после смерти каждое существо перестает двигаться, прекращает действие. С учетом этой особенности слова *дам, ҳордиқ* очень часто вступают в ассоциативную свяь с понятием смерти. В китайской лингвокультуре выражение *дам олмоқ* на основе понятия *смерть* образует одну единую систему: 休息 – "отдых", 安息 ānxī – "вечный отдых", 令其休息 lìngqíxiūxi – "дан отдых", 安眠 ānyǎn – "отдохнуть", 在亚伯拉罕的怀里休息 zài yàbólāhande huáilǐ xiūxi – "отдыхает в аппартаментах Ибрагима" и др.

В узбекской лингвокультуре при образовании ассоциативного ряда "смерть – отдых" не участвует непосредственно понятие *отдохнуть*, как в китайском языке, однако обозначаемое значение выражается с помощью выражений *уйқу, тинчимоқ, кўз юммоқ, бош қўймоқ*. Например: *Кўнгли таскин топган ота тинчгина мангу уйқуга кетмоқда эди...* (Асад Асил. Охирги илинж); *Остонага бош қўйганича абадий уйқуга кетган ёш жувоннинг тепасида олти яшар ўғилчаси Хисрав йиғлаб турарди* (П.Қодиров. Авлодлар довони).

Ассоциация "смерть – путешествие" в китайском языке передаётся с помощью слова в значение саёҳат, а в узбекском - словом *сафар*. Например: 单程旅行 dānchénglǚxíng – "путешествовать один"; 购买单程车票 gòumǎi dān chéng chē piào – "купить билет в одинокое путешествие", 驾鹤 西游 – "улететь на Запад на журавле"; 远行 – "долгое путешествие". *Рисолат хола уч ой ажал билан курашиб, ахири бўлмагач, ... сафар қилди* ("Саодат" журнали, 1996, №3); Ҳа, сўнгсиз сафарга кетдингиз, дўстим (А.Орипов. Ёднома).

В китайском и узбекском языках в эвфемизмах, связанных с ассоциацией "смерть – путешествие" активно участвует глагол "уйти". В китайском языке: 去世 qùshì (уйти из жизни), 已经走了 yǐjīngzǒule (давно ушел), 谢世 xièshì (ушел в более хорошую жизнь), 归天 guītiān (ушел к предкам), 归山道 guīshāndào (ушел к облакам), 上路 shànglù (выйти в путь) (她的结论是世间的寿数到头了，说不定今天明天就要上路（叶圣陶 "苦辛"). В узбекском языке: *Онам... кетгандан сўнг кўнглимиз ... ҳувиллаб қолди* (С.Сиёев. Саратонда қор ёғди);

[1]Omonturdiev A. Ukazannaya dissertasiya. – B. 148-149.

Фарзандлари отамиз бу дунё ташвишларидан чарчаб, нариги дунёга кетиб қолдилар, деб ўзларини овитардилар (“Гулистон” журнали, 1997, №2).

Иерархия в употреблении эвфемизмов, связанных с понятием смерти, на самом деле обусловлена иерархией бытовых социальных отношений. При этом основным фактором считаются возраст, должность, пол усопшего и вид смерти. В китайском и узбекском языке существуют следующие виды эвфемизмов в зависимости от иерархии их употребления: 1) по отношению к должностным лицам и взрослым; 2) по отношению к обычным людям; 3) по отношению к детям и молодежи; 4) по отношению к безвременно умершим; 5) по отношению к погибшим; 6) по отношению к женщинам.

В ходе эволюции языка в нем образуется целостная система эвфемизмов, связанных с концептом смерти, что также относится к китайскому и узбекскому языкам. В этих языках эвфемизмы, связанные с концептом болезни, служат смягчению неприятной ассоциации, отрицательной коннотации в обозначаемом понятии, сокрытию оттенка риска.

В китайском языке *болезнь* называется 疾恙 jíyàng, китайцы воспринимают болезнь как “плохо себя чувствовать”. Наряду с этим, в этом языке понятия, связанные с болезнью, передаются с использованием множества эвфемических средств. Например: 不适 bùshì – “в теле есть небольшие боли”, 略感不 lüègănbúshì – “некое неудобство” (немного недомогать), 微恙 wéi yàng – “нездоровиться” (обычно так отвечают, когда справляются о здоровье), 微 wēi – “немного нездоровиться”, 偶染微恙 ǒurănwēiyàng – “временами пропадает здоровье”, 欠安 qiàn’ān – “(немного) пропадает здоровье”, “беспокоиться”, 失调 shītiáo – “болеть всем нутром”, 虚弱 xūruò – “ослабеть”, 症候 zhènghòu – “признаки болезни у больного”, 内伤 nèi shāng – “повреждение внутренних органов человека”, 外伤 wài shāng – “повреждение наружных органов человека”, 感觉差 gănjué chà – “плохо чувствовать себя”, 有麻烦 yǒu máfan – “недомогать, находиться в плохом состоянии”, 采新之忧 căi xīn zhī yōu – “возникновение неудобств в связи недомоганием”, 低于常态 dī yú cháng tài – “положение не очень хорошее”.

Если обратить внимание, большинство приведенных имеют эвфемическую особенность, в той или иной степени смягчают понятия “больной”, “заболел”, “в тяжелом состоянии”. Однако это не означает, что в китайском языке понятия, связанные с болезнью, выражаются лишь эвфемическим способом. В частности, такие выражения, как 沉疴 chénkē – “хроническое заболевание, серьёзное заболевание”, 苛疾 kē jí – “редкое заболевание” (“ke”, то есть, сильно беспокоящий) вуалируют конкретное название болезни, а в семах “хронический”, “серьёзный”, “сильно беспокоющий” чувствуется оттенок опасности.

В узбекском языке понятие ***болеть*** передается выражениями *тоби қочмоқ, мазаси қочмоқ, оғриб қолмоқ, нотоб бўлиб қолмоқ, бундоқ бўлиб қолмоқ, дарди тутиб қолмоқ, шамоллаб қолмоқ*; а понятие *“больной”* – эвфемическими средствами *мазаси йўқ, соғлиғи ёмон, соғлиғи яхши эмас, аҳволи яхши эмас, тоби йўқ*. Например, *Қадоқчи Ҳамроқулнинг* ***тоби қочди*** (Абдулла Қаҳҳор. Томошабоғ); *– Нега? Вақт ажратолмайдими? – Бироз* ***мазаси йўқ***... *Соғайиб кетса, кейин ўйлашиб кўрамиз...* (Хуршид Дўстмуҳаммад. Куза…); *Сотиболдининг хотини* ***оғриб қолди*** (Абдулла Қаҳҳор. Бемор).

В настоящее время в большинстве языках народов мира в речи врачей употребляется много эвфемизмов общей семантики, в случае, когда болезнь завершается смертью. Наблюдения показали, что в речи китайских докторов вместо 病人死了bìng rén sǐ le – *больной умер* употребляются эвфемизмы 失去病人了shī qù bìng rén le – *теряем больного,* вместо 无法救治 wú fă jiù zhì *больного невозможно вылечить* – 不行了bùxíngle – *состояние больного*

неубедительное. Или же употребляются эвфемизмы 与世长辞 yǔshìchángcíyǔ – *заснул непробудным сном*, 长眠 chángmián – *ушла в вечный сон*. В речи узбекских врачей вместо *бемор ўляпти, бемор ўлди* употребляются эвфемизмы *беморни йўқотяпмиз, беморни сақлаб қололмадик*. Например: *Оғир аҳволда шифохонага тушган беморнинг* ***ҳаётини сақлаб қолиш*** *имкони бўлмади* (https://xabar.uz/koronavirus/ogir-ahvolda-shifoxonaga-tushgan). Подобные эвфемизмы появились значительно позже.

В большинстве лингвокультурах, так же, как и в китайском и узбекском лингвокультурах табуировано название плохих болезней. Представители этих народов болезни с неприятными ассоциациями заменили более смягченными эвфемизмами с завуалированным оттенком опасности. Поначалу целью была замена табуизированного понятия, позже произношение названия плохой болезни стали понимать, как несоответствие рамкам приличия, сформирована такая речевая культура. В китайском и узбекском языках существуют эвфемизмы, обозначающие: 1) опасную болезнь; 2) психическую болезнь; 3) венерологическое заболевание; 4) болезни внутренних органов.

В настоящее время, одно из страшных заболеваний это - *рак*. Носители китайского языка не произносят это название открыто. В китайской лингвокультуре болезнь *рак*, очень часто толкуется как "опухоль", "новая клетка" или "что-то выросло". Например, 生长物 shēng cháng wù – "страдание тела от опухоли, появление опухоли"; 大写字母 C dàxiě zìmǔ – более смягченное выражение заболевания раком, C.A. западная аббревиатура слова *рак*; 最后一场疾病 zuìhòu yī chǎng jíbìng – эвфемическая передача неизлечимых болезней, дословный перевод – самое последнее заболевание. Или 生长物 shēng zhǎng wù появление рака.

Носители узбекского языка тоже придумали более смягченные или завуалированные названия болезней, или же накладывают на существующие в языке слова дополнительные значения. Например, из-за того-что в узбекском языке это заболевание пробуждает не очень приятную ассоциацию, оно начало обозначаться словами *ўсма, ўсимта, саратон*, чем обеспечивается максимальная эвфемизация. Однако по истечению времени для представителей узбекского языка даже слова *саратон, ўсма, ўсимта*[1] также начали обозначать явно понятие рака, то есть эвфемическая окраска этих слов исчезает и теперь не может выполнять функцию эвфемизма. В современной узбекском литературном языке вместо слов *рак, саратон, ўсма, ўсимта* используется словосочетание *ёмон касал*. В данной замене эвфемизация обеспечивается благодаря тому, что словосочетание *ёмон касал* не выражает напрямую понятие рака, а семантика словосочетания немного абстрактна, поскольку словосочетание *ёмон касал* или *хавфли касал* обозначает также и другие болезни. В узбекском языке вместо *рак* в науке употребляется слово *консер*; а в разговорном языке – эвфемизмы *ана унақа касал, давосиз*.

Китайские и узбекские эвфемизмы, связанные с понятиями "женщина", "женственность", можно изучать по тематическим группам: возраста женщины, её морального облика, социального статуса, внешнего вида до родов, во время и после родов. Так же, как и почти во всех языках мира, китайский и узбекский языки располагают такими языковыми единицами, которые несколько смягченно, иногда скрыто передают предродовое состояние женщины и сам процесс родов. Эвфемизмы обеих групп сформированы на основе таких когнитивных признаков, как восточное целомудрие, смущение, стыдливость. В частности, в китайской

[1] Sleduet otmetit, chto slova *oʻsma* i *oʻsimta* vipolnyayut efemicheskuyu funksiyu i v sovremennom uygurskom yazike. Sm.: Aynivaer K. Evfemizmi v uygurskom yazike: postanovka voprosa // Gumanitarnie nauchnie issledovaniya. (http://human.snauka.ru/2017/04/23654

лингвокультуре для обозначения “беременности” употребляются эвфемизмы 怀孕 huái yùn, 怀胎 huái tāi: 惠哥对尚秀才说：**“我已经怀孕了”**- *Хуй Гэ сказал интеллегенту Шанг: “Я забеременела”* (Ж.Зиямуҳамедов. Енг ичидаги никоҳ аҳди); 一个多月了， 我觉得肚子里微微振动，恐怕是**怀了胎**， 或男或女，一年后转交给你吧！ 花姑子流着泪出门走了- *Вот уже месяц чувствую в животе легкие толчки, боюсь, что **забеременела*** (Ж.Зиямуҳамедов. Хуа Гузи).

В узбекской лингвокультуре для обозначения понятия “беременная” употребляются языковые единицы с эвфемическими признаками: *ҳомиладор, бўйида бор, оғироёқ, юкли, қорнида бор;* а для передачи понятия “забеременеть” - *юзида доғ пайдо бўлмоқ, бўйида бўлмоқ*. Сравните: ***Ҳомиладор** хотини кўз олдига келганда юрагини нимадир кемира бошларди* (Тоҳир Малик. Сўнгги ўқ); *Янгамнинг **бўйида бор** эмиш* (Собир Ўнар. Бибисора) – ***Оғироёқман**... Нима бўлишини билмайман* (Абдулла Қаҳҳор. Ўтмишдан эртаклар); *Шокир ака қизининг **юкли** эканлигини эшитиб, – Худо оқ йўл берсин, – деди* (Ғафур Ғулом. Қизалоқ).

В народах мира издревле существовал социальный запрет в употреблении предложений и слов определенной тематики – табу. Понятия, связанные с половой жизнью заменены множеством эвфемизмов. В силу интимности таких связей моральные устои табуируют открытое произношение таких действий. Узбекская и китайская лингвокультуры, являющиеся жемчужинами восточной культуры, не позволяют открыто говорить о половой жизни. Однако не говорить об этом тоже нельзя. Эвфемизмы есть способ выхода из такой ситуации.

В китайской лингвокультуре особое внимание уделяется эвфемизации интимной близости. Следовательно, с учетом различных коммуникативных ситуаций интимная близость не раскрывается открыто, вместо этого используются следующие эвфемические средства 亲密关系 (близость), 男女关系 (связь между представителями пола), 发生关系 (иметь с кем-либо физическую близость), 亲近-与某人发生性关系 (близость), 交际 - 性交 (связь) и др. Этим говорящий стремится донести свою мысль в рамках речевой этики, в более завуалированной форме.

В узбекском образе жизни половая близость является очень закрытой темой, в культуре нашего народа, придерживающегося исламских традиций, об этом не принято говорить открыто. А когда следует сказать, используются различные эвфемизмы (в письменной речи используется многоточие). В узбекском языке потребность в сокрытии данного понятия, адаптировании его речевой этике обусловило наделение множества слов эвфемической функцией, в силу чего появились особые эвфемизмы, при этом, естественно, сыграли свою роль национальная культура и менталитет, сформированный на основе этой культуры. Как бы не эвфемизировалась бы данное понятие, все равно, в речи в той или иной степени чувствуется понятие стыда, а народ продолжает эвфемизировать. Выражения *бирга бўлмоқ, бирга ётмоқ, яқин муносабатда бўлмоқ, яқинлик қилмоқ, алоқа қилмоқ* в узбекском языке употребляются в вышеуказанных значениях в силу такой необходимости. При эвфемической передаче половой близости в ассоциациях носителей языка обоих полов активно участвует слово “работа”, ибо в семантике данного слова есть абстрагированный, обобщенный признак понятия “грубый”, “стыдливый”. В китайском языке 事情-性爱之事 (работа), 有事 (иметь какое-либо дело с кем-либо). В узбекском языке эвфемизмы *иш, ишини бажармоқ, ишини битирмоқ, ишини қилмоқ* и др. Являются национально-культурными эвфемизмами, связанными с половой близостью.

В целом, в китайском и узбекском традициях тема половой жизни табуирована, поскольку мораль, стыд в этих лингвокультурах являются одними из основных понятий. В обоих языках,

когда речь идет об интимной близости, говорящий попадает в неловкое положение. Такая национально-культурная норма порождает вуалированную передачу понятия полового акта.

В китайском и узбекском языках эвфемические единицы, связанные с понятием старости, можно изучать по следующим группам; эвфемизмы, выражающие: 1) "период старости; 2) крупные даты; мудрость и опыт; 4) обращение к взрослым. Например, опыт – главное преимущество старости, это – совокупность накопленных в течении жизни знаний, навыков, умений и способностей. При обращении к пожилым людям в китайской лингвокультуре используются эвфемизмы с актуализацией признака опытности: 年事已高 niánshìyǐgāo (с большим опытом, пожилой), 资深公民 zīshēngōngmín (опытный, пожилые люди с большим опытом), 老 lǎo – (почтенный, опытный), 老手 lǎoshǒu (взрослая рука) (почтенный, опытный, мастер своего дела). Благодаря использованию словосочетаний с признаками опытность, наличие огромных жизненных знаний вуалируются или смягчаются понятия "старый", "старик", "старуха", "состарившийся".

В узбекском языке существует фразеологизм кўпни кўрмоқ, обозначающий следующие значения: "переживший многое, имеющий большой опыт", который местами выполняет эвфемическую функцию. Например: Сиз кўпни кўргансиз. Сизни эшитсак, ақлимизга ақл қўшилади, отахон, сўзлайверинг (С. Анорбоев. Оқсой). Кроме того, применяется эвфемическое выражение сочи оқарган в значении "долго работавший в какой-либо работе, посвятивший свою жизнь этому делу": – Биз меҳнатда топдик бахтимиз, Меҳнатда соч оқарса майли! (Ёнғин Мирзо). В данном выражении прослеживается следующее значение "пусть жизнь проходит, если мы стареем от труда". Вот это значение "старение", течение жизни" передается с помощью фразеологизма соч оқарса как образно, так и в более мягкой форме.

В китайском и узбекском лингвокультурах существуют эвфемические обращения, выражающие положительное отношение говорящего. В частности, слово 老 lǎo в значении "пожилой", "опытный", слово 老师 lǎo shī в значении "наставник" или же 夫子 fū zǐ (夫 fu – мужчина; 子 zi – 1) в значении "учитель" в древности использовался как уважительная форма аффикса для обращения к мужчинам; 2) призвание многих китайских философов, например: 孔子 Kǒngzǐ，孟子 Mèngzǐ，韩非子 Hánfēizǐ.

В зависимости от речевой ситуации, слово 老 lǎo на узбекский язык можно перевести как *тақсир*, ибо в узбекском языке это слово является уважительной формой обращения по отношению к взрослым. Например: 倪萍：您老高寿？身体怎样？马三立： 不高，88岁。就是瘸了点。我最重时92斤，现在86斤了。都关心我（" 追忆大师马三立"，" 西南都市报" 2003年2月12日）

Ни Пин: – ***Сударь****, сколько вам лет? Как вы поживаете?*

Ма Санли: нельзя говорить "я буду жить долго", мне 88. Немного хромаю. Весил я обычно 92 цзинов, а сейчас вешу 86 цзинов. Все заботятся обо мне.

В узбекской лингвокультуре согласно речевой этике не принято обращаться к взрослым по имени, вместо этого используются обращения *ота, отахон, она, онахон, буви (бува), бобо, момо каби* с эвфемическим оттенком. В этих формах обращения эвфемизация реализуется в результате номинации чужого как близкого человека, присоединения форм субъективной оценки *-хон, -жон*.

Таким образом, эвфемия является универсальным лингвистическим явлением, лингвистическая суть которого заключается в более завуалированной, смягченной передаче грубых, неуместных произношению понятий. Передаче такого явления служат эвфемизмы. Эвфемизмы могут быть выражены словом, фразеологизмом, словосочетанием. В языке эвфемизмы появились в результате запрета произношения в языке названий болезней, различных животных,

сверхъестественных сил. Позже люди начали табуировать практически все понятия, которые считали вредными для себя, потребность замены этих понятий способствовала возникновению в языке эвфемизмов. К последующим этапам развития языка, грубые и незвучные слова, выходящие за рамки приличия, по требованию культурной коммуникации начали заменяться другими языковыми единицами – эвфемизмами. В китайском и узбекском языках эвфемизация реализуется за счет лексических и фразеологических единиц. В данных языках наряду с отдельными эвфемическими единицами существуют также слова и фразеологизмы, определенные значения которых выполняют эвфемическую функцию. Наблюдается синонимия в бытовых эвфемизмах китайского и узбекского языка. Эта эвфемическая синонимия реализуется в форме лексической, исконно фразеологической и лексико-фразеологической синонимии. В китайском и узбекском языках существуют явления по каким-то признакам напоминающие эвфемию, но отличающиеся от неё языковой природой, к ним можно отнести семантику жестов, иронию, речевую энантиосемию. Общность таких явлений отмечается лишь в отдельных речевых ситуациях. Исследование эвфемизмов способствует более глубокому проникновению в менталитет народа, более яркому представлению его национальной культуры, ценностей, обычаев, нравственных норм, национальный характер носителей языка. Пресекает разногласия, трудности, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, устраняет прагматические барьеры, обеспечивает успешность и эффективность общения.